

Е. Н. Устюгова

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: ГРАНИ ПРОБЛЕМЫ

Наряду с термином «экология природы», смысл которого кажется устоявшимся и очевидным, уже около двадцати лет в литературе употребляется термин «экология культуры», а также множество отпочковавшихся от него образований, таких как «экология этноса», «экология истории», «экология языка», «экологическая эстетика», «экокультура» и т. п. И хотя «экология культуры» уже получила дисциплинарный статус, как один из разделов культурологии, содержание этого раздела знания и соответствующей практически направленной деятельности толкуется по-разному, с разной степенью содержательной конкретности и смысловой широты.

Охарактеризуем круг имеющихся толкований, чтобы уточнить предмет и методологическую базу области «экология культуры», выяснить, как она соотносится со сферой «экология природы». Прежде всего рассмотрим ряд отраслей экологии культуры, которые выявляют конкретное содержание экологической проблематики в разных сферах бытия культуры.

Областью проекции экологии культуры в сферу этнических отношений является так называемая этноэкология, которая рассматривает в динамическом единстве культуру, производственную деятельность этноса и осваиваемую им природную среду. Считается, что жизнеспособность этноса в значительной мере предопределена устойчивостью именно культурной традиции, ее воспроизводством в поколениях, в противном случае этнос может погибнуть. Следовательно, ключевая проблема этноэкологии — это сохранение культурной традиции и забота о том, чтобы не распалась ее связь с природной средой.

По мнению этнокультурологов, тенденция к глобализации в сфере культуры, размывание традиционных моделей образа жизни этносов приводят к утрате связи между поколениями, вытеснению навыков, культурных укладов и ментальных представлений, прагматической унификации межчеловеческого общения, что делает многие этносы нежизнеспособными [1].

Одной из ветвей экологии культуры является экология языка. Исследователи, разрабатывающие эту область, говорят о языке в широком смысле — как о *семиосфере*, а также в узком смысле — как о словесно-речевом пространстве. Ю. М. Лотман писал, что, подобно тому как биосфера является совокупностью и органическим единством живого вещества, семиосфера есть результат и условие развития культуры и включает в свое пространство все языки культуры [2, с. 251].

Исследователи проблем экологии языка говорят о его творческой, энергетической силе, и в этом также просматривается связь с биоэкологией. Экология слова даже черпает оттуда «заготовки» для своих терминов, таких как «лингвоцид», «лексическая

Устюгова Елена Николаевна — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: elena.ust@gmail.com

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 12-03-00533 «Роль экологической эстетики в сохранении ценностей культуры».

© Е. Н. Устюгова, 2013

эрозия», «языковая аллергия». И если в биосфере возник биологический язык (гены, нейронные коды), который воссоздает всю живую природу от вируса до человеческого организма, то и ноосфера Земли складывается из микроноосфер отдельных людей, которые в значительной степени созданы из слов [3]. Таким образом, можно провести параллель между информационным полем биосферы и энергетически-информационным полем семиосферы. Говоря о сходстве биосферы и семиосферы, Ю. М. Лотман писал, что всякий народ, чтобы самовоспроизводиться, должен иметь наследственный код, подобный генам биологического организма. Национальный язык, с точки зрения экологии слова, — это геном народа [3].

Одним из важнейших проблемных разделов экологии культуры является историческая экология. В свое время именно в связи с задачей сохранения исторической памяти культуры как генофонда человечества Д. С. Лихачёв ввел понятие «*экология культуры*». Он писал: «Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества — это активная память человечества, активно же введенная в современность» [4, с. 201]. Сохранению подлежат как отдельные фрагменты, имена и памятники прошлого, так и те коды культуры, которые специально ориентированы на то, чтобы реконструировать прошлое и способствовать осознанию коллективом непрерывности своего бытия.

Ю. М. Лотман постоянно подчеркивал, что история культуры не подчиняется линейным закономерностям, «смысловые токи текут не только по горизонтальным пластам семиосферы, но действуют по вертикали, образуя сложные диалоги между разными ее пластами» [2, с. 256], что особенно заметно на традиционных моментах, доставшихся из прошлых состояний культуры. То есть в семиосфере «работает» не последний временной срез, а вся толща текстов культуры» [2, с. 254]. Не только некоторые тексты, но даже целые пласты явлений культуры могли не соответствовать идеализированному портрету национальной или исторической культурной эпохи, а между тем они участвуют в создании контекстов и могут со временем из маргинальных превратиться в ведущие [2, с. 256, 347–348]. Это обстоятельство предъявляет к экологии культуры особые требования: она должна осознанно и ответственно относиться к сохранению культурного ландшафта, в котором важно всё, где надо понимать, что необходимое и случайное могут меняться местами.

Одним из важнейших направлений деятельности, направленной на решение берегающих задач экологии истории культуры, стала деятельность по защите памятников культуры и даже целых городов, принадлежащих к достоянию мировой культуры. Идеология этого международного движения определяется прежде всего целями сохранения культурно-исторических образов архитектурных и природных ландшафтов городов и местностей.

В свое время Д. С. Лихачёв подчеркивал, что задачи сохранения должны быть приоритетными, так как всякий заново отстроенный памятник старины, лишенный документальности, будет не более чем «видимостью». Вместе с тем, по мнению специалистов, в последнее время усиливается носящая общемировой характер тенденция к сносу исторических памятников архитектуры ради современной застройки городского пространства, а также осуществлению реконструкции исторических памятников архитектуры вместо их аутентичной реставрации. Иными словами, налицо непонимание обществом задач экологии культуры, игнорирование принадлежности памятников культуры к общемировому богатству, пренебрежение безусловной ценностью

культурно-исторической аутентичности. Об этих проблемах шла речь на международном семинаре «Опыт сохранения культурного наследия исторических городов: Санкт-Петербург, Краков, Вашингтон» (Санкт-Петербург, 2012), посвященном обмену опытом в области сохранения культурного наследия исторических городов [5].

Нельзя не видеть, что современная идеология и практика экологии культуры развиваются на фоне деконструкции системы традиционных ценностей старого мира. Постепенно на смену образу культуры как *дома*, в котором человек становится человеком и где воспроизводится человечество как гуманитарная общность, приходит образ культуры как территории, на которой осуществляется жизнь людей. Но если следовать этимологии понятия «экология» от греческого *эйкос*, т.е. *дом*, то экология культуры должна по определению работать в поле этого смысла. Ее дело — защита дома от разрушения, забота о поддержании генетического культурного кода человечества. Дефицит культурно-ценностных вертикалей, потеря ощущения почвы — вот болевой нерв современной культуры. И здесь задачи экологии природы и экологии культуры совпадают как сферы потенциальности будущей жизни человека.

Многие представители экологического движения, критикуя современное общество и культуру за индивидуализм, прагматизм и рационализм, обращаются в поисках опоры и надежды на спасение к традиционным, в первую очередь к религиозным, христианским, ценностям культуры. Так, культуролог и религиозный философ А. Р. Невольсин ратует за такую концепцию экологии культуры, которая подразумевает не просто спасение памятников истории и искусства, но и превращение духовно-эстетических традиций в стержень частной, общественной и даже экономической жизни [6].

Таким образом, анализируя литературу, посвященную проблематике экологии культуры, нельзя не заметить, что позиции авторов прежде всего предопределены толкованием сущности культуры и трактовкой понятия «экология». Если исходить из того, что экология — взаимодействие человека и всего живого с окружающей средой, а культура — совокупность продуктов и способов человеческой деятельности, включающая материальные, духовные, физические и психические проявления, то тогда в границы экологии культуры включаются и экология предметной среды, и экология города, дома, производственной деятельности человека, и экология исторической памяти, в частности памятников культуры прошлого, и экология нравственности, веры, языка, этноса, нации, и экология телесной и психической жизни человека — иными словами, всё многообразие человеческой жизнедеятельности и среды, в которой она протекает.

В последнее время в определении задач экологии культуры начинает преобладать так называемый *средовой подход*, согласно которому экология — это охрана среды обитания, в которой надо стремиться к достижению возможного баланса между человеком, обществом и природой. Таким образом, определяющими здесь оказываются не содержательно-ценностные критерии культуры, а пространственно-предметные, функциональные, эмпирически более конкретные, близкие к осуществлению процесса жизнедеятельности.

С середины XX столетия в культурологии и философской антропологии распространяется двухмерная модель культуры, в которой вертикальному измерению соответствуют исторические и национальные традиции, идеи и образы осмысления человеком мира, запечатленные в произведениях искусства, мифологии, религии, философии, науки; горизонтальное же измерение подразумевает протекающую в конкретной пространственной и предметной среде повседневную эмпирическую практику мен-

тальной, бытовой и производственной жизни людей, принадлежащих к определенным микрообществам. Соответственно, различаются и две трактовки содержания понятия «экология культуры». Если трактовать культуру как мир человеческих смыслов, вне которых невозможны самосознание, самоопределение каждого уникального субъекта культуры (личностного, национального, исторического), то задачи экологии культуры видятся в сохранении традиции, ценностно-смысловой, языковой преемственности. Если же отнестись к культуре с позиций структурно-функционального подхода, тогда она предстает в виде совокупности сосуществующих культурных сред, составляющих культурный ландшафт как коммуникативное пространство обмена культурных смыслов. Это пространство пребывает в динамике межсредовых взаимодействий и образует особую социокультурную реальность, которая является средой человеческого обитания, включающей в себя и традиционное и актуальное, и элитарное и массовое, и прекрасное и безобразное, и нравственное и имморальное и т. п. Возникает вопрос: каковы тогда содержание и задачи экологии культуры? Кажется, что в такой трактовке понятие «экология культуры» столь широко, что почти тождественно самой культурологии, — следовательно, оно становится абстрактно-теоретическим, а значимость и направленность экологии культуры как практической деятельности предстают весьма туманными.

Нельзя не видеть глубинного смыслового различия между понятиями «естественная окружающая среда» и «Природа», «искусственная среда обитания человека» и «Культура». В одном случае речь идет о предметно-пространственной сфере, а в другом — о смысловой, в поле которой население становится народом, нацией, индивидуум — личностью, а природа вызывает не только беспокойство в связи с пределами использования ее ресурсов или угрозой здоровью человека вследствие нецивилизованного природопользования, но и чувство восхищения, преклонения и любви.

Задачи экологии культуры корректируются также весьма важным для современности контекстом взаимодействия и соотношения высокой культуры и культуры массовой, ныне лидирующей в этом диалоге. В наше время, писал В. Беньямин, «невозвратимый образ прошлого оказывается под угрозой исчезновения с появлением любой современности, не сумевшей угадать себя подразумеваемой в этом образе» [7, с. 239]. Но поскольку способность самоидентификации подпитывается не эмпирической наличной средой, а продуктами духовной, ценностной культурной рефлексии, запечатленной в произведениях культуры (в ее вертикальном измерении), необходимо предпринимать особые усилия в части специфической ценностно-содержательно ориентированной деятельности (экологии культуры), чтобы «вновь пытаться вырвать традицию у конформизма, который стремится воцариться над нею» [7, с. 240].

В современном контексте диктата информационных технологий проступает еще один важный смысл, обосновывающий задачи экологии культуры. Он касается проблемы культурной ценности уникального, оригинального, с одной стороны, и признания несводимости и непереводаемости языков культуры, сохранения их многообразия — с другой стороны. Глобальной задачей экологии природы также является стремление к сохранению естественной целостности бесконечного многообразия Природы. Образ бесконечности, несказанности Природы присутствовал в культуре издавна, от Ренессанса и барокко до романтизма и символизма, он также является одним из мотивов романтически-философского крыла современной идеологии экологии природы.

Современная эпоха охвачена своего рода информационным тоталитаризмом, согласно которому любое сложное содержание можно упростить до однозначного сообщения — инструмента информационного обмена. Между тем — и об этом говорили многие философы (от Шеллинга до Бергсона, от Леонтьева и Беньямина до Бодрийера, Делёза) — морфологическое упрощение ведет к однородности, выравниванию различного, что становится почвой для внешних имитаций, разрастания симулякров, а это неминуемо влечет смерть, ибо процесс жизни — это процесс нарастания внутренних различий, а внутренние различия живых развивающихся форм лежат в области неопределенного, недетерминируемого, т. е. свободы [8, с. 43, 63].

Хотя на первый взгляд, в отличие от естественной природы, «культура есть некая вторая природа, созданная человеком, в которой мир обработан по законам языка и смысла» [8, с. 7], ее также, пусть и метафорически, можно рассматривать в категориях *жизни и смерти*. И здесь, может быть, с еще большей очевидностью открывается действие основного принципа развития жизни: упрощение, однообразие, внешний миметизм, подмена диахронии синхронией, смыслотворящего формообразования в культуре — коммуникацией, информационным кодированием и обменом, — всё это ведет к примитивизации содержаний, дублированию смыслов, угасанию творческого потенциала культуры, т. е. к ее смертельной болезни.

Одной из установок экологии культуры должно быть уважение к онтологической самодостаточности культуры в ее символическом бытии как выражении, пребывании смысла, как «несокрутости сущего». Язык культуры самоценен, так как является воплощением духовной полноты мира, или символом того, что невозможно сообщить. В. Беньямин полагал, что общность языка природы и языка культуры в том, что «язык природы можно сравнить с тайным паролем, который каждый часовой передает следующему на своем языке, причем содержание пароля — это сам язык часового» [9, с. 25] — а им и является язык культуры, как один из способов развертывания высших смыслов бытия. Таким образом, инструментальная трактовка языка культуры только как средства коммуникации сужает его значимость, ставит в зависимость от контекстов интерпретаций, от способности или готовности реципиентов воспринимать воплощенные смыслы. А если общество в какой-то момент не способно воспринять то, что выражено в произведениях культуры? Не возникает ли в такое время искушение уничтожить то, что непонятно, кажется устаревшим, мешающим современному? Не от этих ли порывов должна удерживать экология культуры, защищая кажущиеся кому-то консервативными принципы, ибо важнейшей задачей экологии культуры является сохранение внутреннего богатства, разнообразия языков культуры, поддержание условий для их аутентичного существования? Семиолог Вячеслав Иванов говорит что «каждый язык представляет собой некую модель Вселенной, семиотическую систему понятий о мире, и наличие 4000 разных способов описать мир делает нас богаче. Сохранность языков должна беспокоить нас больше, чем экология» (цит. по: [10, с. 346]). В. В. Иванов имел в виду экологию природы, но если признать, что существует и экология культуры, то ее главная задача здесь обозначена достаточно четко. У. Эко считает, что «решение будущей проблемы европейской культуры — не в триумфе всеобщего полиглотизма... но в создании сообщества людей, которые способны ухватить дух, аромат, атмосферу чужой речи». В этом, по его мнению, залог понимания людьми той культурной вселенной, «какую каждый выражает, говоря на языке своих предков и своей традиции» [10, с. 358].

Многие авторы характеризуют сегодняшнее состояние цивилизации как комплексный природно-культурно-социальный кризис, явившийся следствием ее стихийного развития. Они призывают к целенаправленным усилиям по преодолению противопоставления цивилизации и культуры. Культура должна стать необходимой гуманитарной основой функционирования гражданского общества, политики, производства, экономики, бизнес-сообществ. Сама жизнь показывает, что сегодня утрачивает свою чистоту бывшее противопоставление природы и культуры, естественного и искусственного, публично-символического и банально-повседневного. По мнению сторонников указанного подхода, надежды на преодоление современного системного цивилизационного кризиса могут быть связаны только с осознанием необходимости нового смыслового синтеза природно-семиотической среды, преодолевающего разобщение индустриального, социального, ценностного сознания, разрыв между целями и средствами, культурой и цивилизацией. Таким образом, в «экологии культуры» видят прообраз будущего интегративного, антропологически ориентированного мышления общества [3].

Эмоционально-ценностная интонация и интеллектуальные приоритеты любой культурно-экологической концепции состоят в том, чтобы сохранять, спасать наличные культурные ценности, глубинные традиции того или иного народа и окружающую его предметную среду; уделять внимание воспроизводственным, сберегающим отношениям, по возможности воссоздавая утрачиваемое [11].

Если функционирование культуры обеспечивается сочетанием двух векторов: традиции и инновационной динамики, то задачи экологии культуры должны определяться прежде всего интересами сохранения накопленного человечеством опыта, чтобы пространство культуры не вытеснялось, не подвергалось агрессивному воздействию со стороны социума, который часто воспринимает проблемы культурных смыслов и ценностей как помеху в решении экономических, технологических, производственных задач.

Литература

1. Этническая экология. Теория и практика. М.: Наука, 1991. 376 с.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПБ, 2000. С. 150–390.
3. Миловатский В. С. Об экологии слова. М.: Просветитель, 2001. URL: <http://kladina.narod.ru/milovatskiy/milovatskiy.htm> (дата обращения: 05.03.2013).
4. Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит., 1989. 238 с.
5. Пресс-конференция «Опыт сохранения культурного наследия исторических городов: Петербург, Краков, Вашингтон» // Пресс-клуб «Зеленая лампа». 16.05.2012. URL: <http://www.greenlamp.spb.ru/2012/05/16> (дата обращения: 05.03.2013).
6. Небольсин А. Р. Метафизика прекрасного. Введение в экологию культуры. М.: Паломникъ, 2003. 217 с.
7. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. статей. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
8. Ямпольский М. «Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 688 с.
9. Беньямин В. О языке вообще и человеческом языке // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. статей. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
10. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2009. 423 с.
11. Генисаретский О. И. Экология культуры. Теоретические и проектные проблемы. М., 1991. 153 с.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2013 г.